

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ:
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ**
**CIVILIZATIONAL ANALYSIS OF CONTEMPORARY SOCIETIES:
METHODOLOGICAL PROBLEMS**

Р.Г. Браславский

**ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПЕРСПЕКТИВА
В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ
СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ***

R. Braslavsky

**CIVILIZATIONAL PERSPECTIVE IN SOCIOLOGICAL
ANALYSIS OF CONTEMPORARY SOCIETIES**

В статье прослеживаются некоторые основные линии конвергенции и дивергенции во взаимоотношениях социологии и цивилизационного анализа. Вслед за Ш. Эйзенштадтом цивилизационная аналитическая перспектива, основанная на принципах автономии культуры и исторической контингентности, рассматривается как альтернатива односторонним «культурному» и «социальному» редукционизму и детерминизму в социологии. Классические теории (линейной) модернизации, с одной стороны, и (локальных) цивилизаций — с другой, характеризуются как два противоположных ответа на социологическую проблематику модерности, в основе которой лежит «двойной тезис» об исключительно западном происхождении и универсальном значении форм модерности. В то же время подчеркивается общность линейно-модернизационной и локально-цивилизационной теорий как разновидностей редукционистского детерминизма. В качестве альтернативы в объяснении динамики современных обществ рассматривается возникшая первоначально в русле социологической традиции цивилизационного анализа теория множественных модерностей. Особое внимание обращается на имманентный самой модерности характер источников множественности ее институциональных и культурных форм, причины которой не могут

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Трансформация цивилизационной идентичности современного российского общества»), проект № 10-03-00840а.

быть сведены исключительно к зависимости от траектории предшествующего развития. Цивилизационный анализ рассматривается как один из проектов трансдисциплинарной всеобъемлющей социально-исторической науки.

The paper examines some of the main lines of convergence and divergence between sociology and civilizational analysis. Following S.N. Eisenstadt 'civilizational perspective' in sociological theory is seen as an alternative to 'social' and 'cultural' kinds of reductionism and determinism. Theories of modernization, on the one hand, and of local civilizations, on the other hand, are two extreme varieties of reductionist determinism. They offer contrary views on social and cultural dynamics of contemporary societies. Theory of multiple modernities that has originated from sociological version of civilizational analysis is considered as an alternative to both of them. It is emphasized that multiplicity of cultural and institutional forms of contemporary societies should not be reduced to the effects of cultural/institutional path dependence, but is to be regarded as inherent to the constitution of modernity as a 'new' distinct human condition.

Ключевые слова: *цивизационный анализ, социология цивилизации, модернизация, «автономия социальной структуры», «автономия культуры», множественные модерности.*

Keywords: *civilizational analysis, sociology, local civilizations, modernization, "autonomy of social structure", "autonomy of culture", multiple modernities.*

В социологических объяснениях динамики современных обществ часто сталкиваются два подхода. В одном из них акцент делается на ведущей макроисторической тенденции увеличения масштабов, интенсивности, плотности и разнообразия социальных взаимодействий, сопровождающейся ростом структурной и функциональной дифференциации, возникновением и последующим глобальным распространением институтов и ценностей «модерного» типа общества. Этот подход представлен классическими и современными теориями модернизации, конвергенции и глобализации. В некоторых разновидностях теории глобализации последствием беспрецедентного в последние десятилетия роста и интенсификации транссоциетальных сетей, контактов и потоков считается ослабление и кризис национального государства как главной формы социополитической организации современных обществ. В другом подходе подчеркивается устойчивость и преемственность исторически сложившихся в разных эволюционных зонах типов институциональных формаций или ширококомасштабных, превосходящих, как правило, границы отдельных обществ, цивилизационных общностей, каждая из которых обладает особой культурной идентичностью, образом жизни, системой ценностей, набором социальных институтов и практик. Это направление представлено различными версиями теорий культурной и/или институциональной зависимости от траектории предшествующего развития. В этих теориях подчеркивается фундаментальное

различие европейского (западного) и неевропейских (восточного) путей социальной эволюции. Каждый из двух выше обозначенных подходов, безусловно, захватывает важные аспекты текущей ситуации, но при этом игнорирует ее другие, оказывающиеся не менее важными стороны. В то же время выбор теоретических перспектив на современные общества не исчерпывается названными подходами. В частности, альтернативу им обоим составляет социологически инспирированный цивилизационный анализ и возникшая в его русле теория множественных модерностей (multiple modernities).

Обычно изучение цивилизационных структур и процессов считается делом историков и антропологов, с которым социологи, сосредоточенные на исследовании современных обществ, почти не соприкасаются. Более того, среди социологов распространено критическое отношение к «цивилизационному подходу» как чуждой по своим теоретико-методологическим предпосылкам и ценностным основаниям парадигме. Для многих представителей академического сообщества (не только социологов) «цивилизация» и «цивилизации» могут быть объектами исследования только в качестве дискурсивно-идеологических феноменов, «артефактов», конструируемых политически ангажированными интеллектуалами, но не в качестве «реальных» социоисторических структур и процессов, обозначаемых данными терминами. «Цивилизационный подход» в этом случае воспринимается как выражение и легитимация на языке социальных наук идеологических дискурсов либо «европоцентризма» (связанного с унитарной концепцией цивилизации и нормативным представлением о «стандарте цивилизации»), либо «культурного расизма» (соотносимого с эссенциалистской концепцией множественных и «конфликтующих» цивилизационных идентичностей) (напр., Шнирельман 2002). В то же время для некоторой части исследователей, в равной степени критично настроенных по отношению как к теории линейной модернизации, так и к теории локальных цивилизаций, с понятием цивилизации связана особая исследовательская программа исторической социологии. Далее в статье предпринимается попытка наметить контуры цивилизационной проблематики в социогуманитарных науках и «цивилизационной» аналитической перспективы в социологической теории.

Цивилизационный анализ и социология

В последнее время для обозначения весьма широкого круга теорий и исследований, идентифицируемых как «цивилизационные», стал использоваться термин «цивилизационный анализ» (Arjomand, Tiryakian 2004). По сравнению с другими прежде и ныне распространенными наименованиями, такими как «цивилизационная теория» («теория цивилизаций») или «сравнительное изучение цивилизаций» («цивилизационная компаративистика»), этот термин выглядит предпочтительнее, «поскольку подчеркивает необходимость соединения теоретической дискуссии с более конкретными сравнительно-историческими исследованиями» (Arnason 2006: 230). В отличие от социологии, широко определяемая область «цивилизационных» теорий и исследований так и не смогла институционализироваться в качестве самостоятельной научной дисциплины. Хотя уже со второй половины XVIII в. так или иначе определяемый фе-

номен цивилизации стал объектом аналитической рефлексии и эмпирического изучения; и в дальнейшем вплоть до последнего времени неоднократно предлагались проекты создания особой «науки о цивилизации», для которой даже были придуманы специальные названия: например, «цивилизациология» или «цивилиография» (напр., Черняк 1996).

То, что сегодня самостоятельной научной дисциплины с такими или им подобными названиями не существует, вряд ли стоит расценивать как свидетельство ущербности или неуспешности «цивилизационного» научного проекта. Далеко не все научные течения и «исследовательские программы» приобретают статус отдельных научных дисциплин; многие из них образуют субдисциплинарные, междисциплинарные или трансдисциплинарные области исследований. И это в полной мере относится к цивилизационному анализу, который разрабатывался представителями разных научных дисциплин — прежде всего, историками, культурными антропологами и социологами. Причем, как правило, теми из них, которые были ориентированы на теоретическую, методологическую и предметную интеграцию разных областей социогуманитарных, а отчасти естественнонаучных исследований и которые вследствие этого имели склонность пренебрегать сложившимися дисциплинарными границами.

Термин «цивилизационный анализ» по сравнению с другими номинациями имеет еще и то преимущество, что он нацеливает на аналитическое применение понятия «цивилизация», а не на использование его в качестве субстанциональной категории для обозначения определенного класса социальных феноменов, в данном случае — конкретно-исторических культурных формаций или социальных общностей, выступающих объектами эмпирического исследования и теоретизирования. Было бы слишком ограниченно трактовать произошедший в конце XX в. «цивилизационный поворот» в социологии как попытку создания еще одной специальной социологической субдисциплины — что-то вроде «социологии цивилизаций» (Tiryakian 1974). Положение цивилизационного анализа в сложившейся дисциплинарной конфигурации социогуманитарных наук гораздо точнее можно определить по аналогии с мир-системным анализом. По словам И. Валлерстайна, мир-системный анализ «никогда не претендовал на роль отдельной социологической дисциплины» и «определенно не является теорией и даже способом теоретизирования, это лишь точка зрения и критика других точек зрения» (Валлерстайн 2003: 257, 264). И. Валлерстайн подчеркивал, что он «последовательно выступал против использования термина “теория мир-систем”... и настаивал на том, чтобы считать наши исследования лишь “мир-системным анализом”» (Там же 2003: 257). О мир-системном анализе не вполне корректно также говорить как о «полидисциплинарной» или «междисциплинарной» области исследований, поскольку он представляет собой способ социально-исторического анализа, который подвергает критике и принципиально отвергает саму сложившуюся к середине XX в. дисциплинарную организацию «модерных» социальных наук в пользу создания единой «исторической социальной науки». Однако мир-системный анализ — это лишь одно из проявлений наблюдаемой среди современных социальных ученых более широкой тенденции к созданию «новой всеобъемлю-

щей (comprehensive) социальной науки», вдохновляемой образцами «классической» социологии (Rueschemeyer 2009). Цивилизационный анализ представляет собой один из проектов такой *трансдисциплинарной* всеобъемлющей социальной науки, которому может быть дано наименование *глобальной культурно-исторической социологии*.

Социология возникла в XIX в. и в дальнейшем позиционировала себя как проект «общей» социальной науки, имеющей дело с обществом как целым или социальной реальностью вообще. Универсальный характер социологии мог трактоваться и обосновываться в «субстанциальном» или «аналитическом» смысле. При субстанциальном подходе социология видела свою специфику в изучении взаимодействия между разными сферами общественной жизни, отношений между различными классами социальных явлений. Известно крайне негативное отношение О. Конта к современной ему политической экономии на том основании, что та имеет дело лишь с одним из фрагментов социальной реальности и рассматривает его в отрыве от других частей общества.

С аналитической точки зрения социология также притязала на охват всего мира, образуемого межчеловеческим взаимодействием, но брала его в определенном разрезе, акцентируя свое внимание на определенных, «аналитически» различимых — собственно «социальных», «формальных», «родовых» — сторонах любых конкретных социокультурных явлений. Подход Г. Зиммеля, который мыслил социологию как «социальную геометрию», абстрагирующую «социальные формы» в качестве подлежащей социологическому изучению стороны конкретных социальных взаимодействий, может служить здесь классическим примером. Однако подобный «аналитический универсализм» социологии имел тенденцию оборачиваться структурно-институциональным редукционизмом и односторонним социальным детерминизмом в трактовке социокультурных феноменов межчеловеческого взаимодействия. Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась в первые два десятилетия после Второй мировой войны, когда в социологии господствующее положение занял структурный функционализм в парсонсианской и марксистской версиях.

Произошедший в 1970-е гг. в социологии так называемый *цивилизационный поворот* был частью более широкой реакции на доминирование в ней структурного функционализма и представлял собой ответ на собственные внутренние трудности и проблемы теоретического и эмпирического характера социологии, которые не могли быть уже преодолены в рамках исключительно структурно-институционального макроанализа. «Возрождение» цивилизационного анализа в социологии происходило в контексте *культурного поворота* в социальных науках и *подъема исторической социологии*. Цивилизационный анализ актуализировал в социологии *культурно-историческое* измерение человеческого способа существования. Обращение к понятию цивилизации в социологии имело, прежде всего, аналитический смысл и было связано с поиском и обоснованием новой теоретической перспективы в социологическом анализе современных обществ. Базисными принципами цивилизационной перспективы в социологии стали *автономия культуры* и *историческая контингентность*. Таким образом, «цивилизационная» социология представляет собой попытку ассимилировать как раз

те принципы, которые в своем крайнем выражении служили основаниями для наиболее радикальных антисциентистских форм критики научного проекта социологии (например, В. Дильтей, в значительной степени баденское неокантианство в конце XIX в., постмодернистская социальная теория в XX в.).

В условиях дисциплинарной организации социальных наук запрос на междисциплинарные и трансдисциплинарные исследовательские программы возникает и формулируется внутри дисциплинарных контекстов во многом как ответ на собственные внутренние трудности и проблемы данных дисциплин. Вследствие этого интегральные и синтетические научные проекты несут на себе отпечаток специфики своего дисциплинарного происхождения. Наряду с «интегрализмом» существует и другой способ преодоления дисциплинарных границ. Он заключается в том, что те социальные науки, которые ранее изображались как «частные» дисциплины, изучающие какую-либо ограниченную область общественной жизни, сами претендуют на тотальный охват социальной реальности. По этой логике, экономика, например, представляет собой науку, изучающую не одну лишь экономическую подсистему общества, но всеобъемлющую науку, изучающую человеческое поведение с особой «экономической» точки зрения (напр., Беккер 1993). То же самое можно сказать в отношении других социогуманитарных наук — от политики до семиотики.

В результате в социальных науках мы имеем дело не с движением по направлению к новому подобию бытовавшего столетия тому назад в социологии «ортодоксального консенсуса», а с существованием множественности конкурирующих друг с другом претендующих на универсальность «исследовательских программ», одни из которых носят *экспансионистский монодисциплинарный*, а другие — *интегральный трансдисциплинарный* характер. Если вновь обратиться к экономической науке, то примером интегрального подхода может считаться неoinституциональный анализ (в особенности, North 2005; Норт 2010). Различие между всеобъемлющими проектами экспансионистского и интегралистского толка состоит в том, что первые стремятся к продвижению собственной методологии за пределами традиционных для данной дисциплины предметных областей, тогда как вторые направлены на критику ограничений и переосмысление эпистемологических и концептуальных оснований собственной дисциплины. Так, социологически инспирированный цивилизационный анализ предполагает восполнение традиционно преобладавшего в социологии *структурно-институционального* анализа *модерных и модернизирующихся обществ* «культурным измерением», «сравнительно-историческим контекстом» и «глобальным масштабом». Это означает не только расширение предметного поля социологии, но и трансформацию ее «доменных предпосылок», которые находят выражение в фундаментальных, программных, не всегда отчетливо рефлектируемых понятиях «общество» и «культура», вообще представлениях о человеке и его бытии (Гоулднер 2003: 54-64).

Цивилизационная проблематика в социогуманитарных науках

До сих пор социальные науки испытывают трудности с включением термина «цивилизация» в собственный концептуальный аппарат и использованием

понятия цивилизации в качестве аналитической категории. Среди представителей академического социологического сообщества бытует представление о цивилизационном анализе как маргинальной, периферийной и даже как прямо противоположной по своим исходным концептуальным предпосылкам области исследований. Однако понятию «цивилизация» принадлежит важнейшая роль в тех эпистемических, концептуальных, дискурсивных, прагматических трансформациях, которыми сопровождалось формирование и развитие социальных наук и, в частности, социологии. С понятием «цивилизация» непосредственно связаны области исследований и способы теоретизирования, в соотношении и во взаимодействии с которыми происходило самоопределение социологии, конституирование и трансформация ее собственных «исследовательских программ» и «парадигм».

Социологи не только обращались к понятию «цивилизация» в поисках решения теоретических проблем собственной дисциплины, но также способствовали развитию самого цивилизационного анализа, причем во многих отношениях вклад этот носил существенный, если не решающий характер. Во всяком случае, «новая», «современная» парадигма цивилизационного анализа, порывающая с классическими представлениями о цивилизациях как замкнутых, самодостаточных, гомогенных социокультурных целостностях, обязана своим возникновением, прежде всего, социологии. В настоящее время можно обоснованно говорить о конституировании «социологической традиции» в цивилизационном анализе (Arnason 2003) и «цивилизационного измерения» в социологической теории (Eisenstadt 2000).

С понятием «цивилизация» связываются подчас диаметрально противоположные комплексы социально-теоретических представлений. В настоящее время в цивилизационном анализе можно выделить несколько основных теоретических направлений:

- (1) стадийно-эволюционистские теории цивилизации и политогенеза (А. Фергюсон, Л. Морган, Ф. Энгельс, Л. Уайт, Ч. Гордон, Э. Сервис, Р. Карнейро и др.);
- (2) теории процесса (процессов) цивилизации (Элиас 2001; Goudsblom 1992; Goudsblom, Jones, Mennell 1996);
- (3) институционалистские теории многолинейного развития цивилизации, представляющие собой вариации на темы азиатского способа производства К. Маркса, патримониализма М. Вебера, редистрибутивной экономики К. Поланьи (Wittfogel 1957; Васильев 1982; Семенов 2008; Roth 1968; Кирдина 2000; Бессонова 2008; Шкаратан 2004);
- (4) теории локальных цивилизаций, культурных суперсистем и стилей (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П.А. Сорокин А. Кребер, Ф. Бэгби, Р. Кулборн, К. Куигли, В. Каволис, С. Хантингтон);
- (5) теории цивилизаций как регионов, мир-систем и сетей взаимодействия (Бродель 2007; Wilkinson 1987; 1994; 2002; Collins 2001);
- (6) социологические теории цивилизационных комплексов и межцивилизационных взаимодействий (М. Вебер; Durkheim 1982 [1902]; Durkheim, Mauss 1971 [1913]; Mauss 2006 [1929/1930]; Nelson 1973; Krejci 2004); теории «осе-

вых» цивилизаций и множественных модерностей (Ш. Эйзенштадт, Й. Арнасон, Б. Виттрок);

- (7) цивилизационный дискурс-анализ (о «дискурсивном повороте» в современном цивилизационном анализе см., напр.: Hall, Jackson 2007).

Поскольку существует не одна, а множество «цивилизационных» теоретических перспектив, то возникает вопрос о конституирующих признаках цивилизационного анализа как более или менее целостной, внутренне связанной, интегрированной области исследований, а не хаотичной совокупности разнообразных сталкивающихся между собой или даже не приходящих непосредственно в соприкосновение друг с другом концепций и теорий. Многообразие трактовок понятия «цивилизация» (Arnason, Subrt 2010) и разнонаправленность «цивилизационных» подходов может рассматриваться как проявление исследовательского произвола, когда каждый волен по своему усмотрению, в силу личных теоретических и ценностных убеждений и пристрастий или *ad hoc* давать понятию цивилизации ту или иную интерпретацию. В то же время разнообразие и столкновение различных позиций вокруг понятия цивилизации может указывать на существование реальной исследовательской *цивилизационной проблематики*, которая как раз и конституирует область цивилизационного дискурса и анализа в социогуманитарных науках и разработка которой может осуществляться в разных теоретических направлениях.

Хотя термин и понятие «цивилизация» неизменно присутствуют в дискурсе социогуманитарных наук, в то же время — в концептуальном аппарате этих наук оно устойчиво занимает периферийно-маргинальное положение, при том, что в разные периоды времени появлялись крупные теоретики, научные школы и исследовательские направления, которые использовали понятие цивилизации в качестве центральной категории социально-исторического анализа. Но даже успех и признание таких ученых, школ и направлений не способствовали устойчивому повышению престижа и институционализации понятия цивилизации в ряду базовых аналитических категорий социогуманитарных наук. И это положение дел не случайно. До сих пор существующая проблема научного статуса понятия «цивилизация» является следствием сопровождавших рождение и подъем социальных наук и сохраняющихся до сих пор разрывов «социального» с «политическим» (Wagner 2006) и «культурным».

Понятие цивилизации сыграло важную роль в переходе на рубеже XVIII—XIX вв. от моральной и политической философии к социальным и историческим наукам и их последующем развитии. Возникновение понятия цивилизации было частью эпистемической революции, происходившей одновременно и во взаимосвязи с глубокими трансформациями политического и экономического порядков. По словам Н. Элиаса, «вся проблематика, связанная с понятием “цивилизация”, проявляется уже в момент его появления» (Элиас 2001, I: 102). В моральной и политической философии второй половины XVIII в. слово «цивилизация» (фр. *civilisation*; англ. *civilization*) стало использоваться для обозначения нового понятия, которое подразумевало «торжество и расцвет разума не только в сфере законности, политики и управления, но и в области моральной, религиозной и интеллектуальной» (Февр 1991: 253).

Понятие цивилизации задавало новую рамку восприятия и оценивания индивидов, сословий и обществ. Им были привнесены новые ценностные критерии в иерархическую шкалу классификации народов: оно наделяло превосходством те из них, которые не просто обладали «мудрым правлением» («*sage police*»), но имели также «богатую философскую, научную, художественную, литературную культуру» (Там же: 252–253). Одновременно новая ценностная шкала применялась и по отношению к различным социальным группам внутри отдельно взятых «цивилизованных» обществ, и в соответствии с ней наибольшим престижем наделялась не придворная аристократия, а «интеллигенция» — культурная, творческая элита. Вместо высоко престижных в придворном обществе качеств, таких как «учтивость», «вежливость», «любезность» (обозначаемых во французском языке словами *civilité* и *politesse*), в умах французской интеллектуальной элиты на первый план выходят моральные качества — «гуманность», «благоденствие», «гражданственность», которые в языке эпохи Просвещения как раз и стали ассоциироваться со словом «цивилизация» (Старобинский 2002: 127–128). Как отмечает британский историк науки Роджер Смит, «авторы эпохи Просвещения были озабочены основаниями и истоками морали, добродетели и цивилизации» (Смит 2008: 146–147). Понятие цивилизации утверждало способ нравственного исправления общества (включая личности людей, их поведение, а также социальные институты) через культурное творчество.

Итак, понятие «цивилизация» задавало новую концептуальную конфигурацию, состоящую из трех главных компонентов: государство, гражданское общество, культура. Культура с сильными моральными и интеллектуальными коннотациями опосредовала отношения между индивидами и политией. Сохранив релевантность сфере «политического», понятие цивилизации сместило акценты на «культуру» (понимаемую как духовное творчество) и «гражданское общество» (концептуализируемое как моральное и дискурсивно-коммуникативное сообщество). В то же время рождение социологии и социальных наук в целом и возвышение понятия «общество» задавало иную, нежели понятие «цивилизация», интерпретацию и конфигурацию *социального, культурного и политического*. В социологии понятие «цивилизация» в качестве всеобъемлющей категории было вытеснено понятием «общество». Каждое из этих двух понятий охватывало собой все сферы человеческой деятельности (ограничивая и подчиняя при этом сферу «политического» соответственно «культурным» или «социальным» факторам). Однако между ними было и принципиальное различие. Если термин «цивилизация» акцентировал внимание на культуре, продуктах человеческой деятельности (прежде всего, духовного творчества), то термин «общество» — на социальной структуре и социальных формах человеческого взаимодействия. В первом случае, человек наделялся качествами творца культуры и субъекта истории, во втором — выступал как носитель или даже продукт общественных отношений, объект детерминирующего воздействия социальной структуры.

Подъем социальных наук, начавшийся в конце XVIII в., представлял собой «постреволюционный феномен» (после Американской и Французской революций). «Общество» как объект социальных наук оказалось «постреволюцион-

ным открытием»: социальная теория была способом уменьшения принципиальной неопределенности и случайности, порожденных собственными усилиями людей (Вагнер 2008: 60–61). Переход от дискурса моральной и политической философии к социальной науке, произошедший в рудиментарной форме в конце 1790-х гг. в постреволюционной Франции, «сопровождался решающим сдвигом от агентского (agential) — можно даже сказать, волюнтаристского — взгляда на общество к взгляду, который подчеркивал структурные условия» (Wittrock 2001: 42–43). Представление об «автономии социальной структуры» стало конститутивной «доменной предпосылкой» социологии. При этом социальные науки сохранили представление о социальной и культурной креативности человеческого действия. Но это видение человеческой свободы и креативности, в противоположность подчеркиванию детерминирующего потенциала социальной структуры и культуры, имело тенденцию к тому, чтобы оставаться на периферии внимания социологии (Гоулднер 2003: 78–82).

По словам А. Гоулднера, «это целостное понятие о человеке — основной господствующий взгляд на него как на управляемый продукт общества и культуры в сочетании с дополняющим его понятием о человеке как творце общества и культуры — образует уникальное противоречие, отличающее социологию» (Гоулднер 2003: 81). Но это противоречие характерно не только для социологии, но и для социальных наук в целом. Оно пронизывает все современное социогуманитарное познание и закреплено институционально в разделении наук на социальные и гуманитарные дисциплины. Социологию отличает скорее не само это противоречие как таковое, а способы его интерпретации, соответствующие господствующим социологическим представлениям. Сама социология и цивилизационный анализ как относительно самостоятельные исследовательские области оформились в пространстве этого концептуального противоречия. Проблема соотношения индивида и общества, агентности и социальной структуры задала проблематику социологического дискурса и анализа. Проблема соотношения культуры и общества, «социального» и «культурного» сформировала цивилизационную проблематику в социогуманитарных науках.

Одновременно с социоцентричным дискурсом социальных наук формировался культурцентричный дискурс гуманитарных наук. В результате (нормативная) политическая философия, социальный анализ и гуманитарные исследования образовали автономные, хотя и не полностью герметичные для взаимопроникновения и влияния друг на друга институционализированные сферы культурного производства, интеллектуальных и дискурсивных практик. В рамках каждой из этих сфер возникшее с самого начала как синтетическое понятие цивилизации получало специфическую интерпретацию, подвергалось редукции, порождая множество толкований, которые образовывали и поддерживали оппозиции *нормативного* и *дескриптивного*, *социального* и *культурного*, *структурно-детерминистского* и *деятельностно-субъективистского*, *унитарного* и *плюрального* значений понятия «цивилизация». Социологическая проблематика соотношения действия и социальной структуры и цивилизационная проблематика отношений между культурой и обществом (с особым акцентом на

власти), в действительности, оказываются очень тесно связанными друг с другом. Цивилизационная аналитическая перспектива в социологии как раз и предполагает рефлексивность трехсторонних отношений «агентность — социальная структура — культура» (Eisenstadt 2000a: 18–20).

Социальные науки, и среди них социология, представляли собой особую интерпретацию порожденного эпохой революции нового опыта. Они выполняли компенсаторную функцию и были направлены на то, чтобы помочь человеку овладеть ситуацией «безграничной свободы», в которой он оказался, а, в конечном итоге, помочь ему овладеть самим собой в этой ситуации с ее не просто непредвиденными и даже не только нежелательными, но и разочарывающими последствиями. Опыт разворачивающейся индустриальной революции внушал уверенность в возможности овладения не только природной, но и социальной, а, в конечном счете, и экзистенциальной ситуацией. «Автономия» (*autonomy*) и «овладение» (*mastery*) составили «двойное воображаемое значение» модерности как нового социально-исторического условия человеческого существования (Касториadis 2003; Castoriadis 1998). Однако укорененные в опыте политической и промышленной революций «автономия» и «овладение» служили не только предпосылками и следствиями осуществления друг друга, но и обнаруживали собственную амбивалентность, а также напряжения и противоречия в соотношении друг с другом.

Цивилизационный поворот в социологии конца прошлого века связан со сменой основополагающих доменных предпосылок социологического анализа, концептуальным сдвигом, который может быть определен как переход от принципа «автономии социальной структуры» к принципу «автономии культуры». По словам Ш. Эйзенштадта, лидера «цивилизационного поворота» в социологии в 1970-е и последующие годы, теоретические интенции последнего лучше всего понимать как стремление к обоснованию относительной автономии культуры в противовес любым версиям структурного функционализма, а также структуралистским подходам с характерным для них культурным детерминизмом и редукционизмом (Eisenstadt 2000a: 1; 1987). Саму проблему соотношения социальной структуры и культуры он помещал в контекст более общей проблематики человеческой креативности и ее ограничений в социальной и культурной сферах и рассматривал ее в неразрывной связи с проблемой отношений между человеческой агентностью и социальной структурой (Eisenstadt 1998: 39). Цивилизационный анализ исходит из представления о фундаментальной неопределенности человеческого существования, и, как следствие, непрерывном конструировании социального и культурного порядков (Eisenstadt 2000a: 18–20).

Современные общества и множественные модерности

Цивилизационный поворот в социологии в 1970-е гг. был направлен на критику и пересмотр всех базовых составляющих так называемого «ортодоксального консенсуса» в социологии, сложившегося в первые два десятилетия после Второй мировой войны. В число основных компонентов ортодоксального консенсуса входили: 1) структурный функционализм, 2) социальный эволю-

ционизм, 3) «методологический национализм», 4) «исторический оптимизм», 5) методологический сциентизм, 6) социальный технократизм. Весь этот комплекс идей нашел свое наиболее полное воплощение в социологии «модерного общества» и «модернизации».

Модернизация понималась как объективный процесс, подчиненный логике структурно-функциональной дифференциации и реализуемый в серии радикальных широкомасштабных социальных трансформаций, получивших название «индустриальной», «демократической», «образовательной» революций (Parsons 1971; Парсонс 1998). Возникающий в результате этих сдвигов «модерный» тип общества описывался в виде определенного «набора социетальных институтов», таких как демократическая нация-государство, либеральная рыночная экономика, исследовательский университет. При этом подразумевалось, что модернизация, понимаемая как комплексный процесс специфических широкомасштабных структурно-институциональных трансформаций, автоматически ведет к одновременному *освобождению* и *господству* человека, и что модерный тип общества представляет собой наиболее полное воплощение *свободы* и *разума* (Wagner 2009). Социологический анализ модернизации фокусировался на структурно-институциональных трансформациях, социальных, экономических, политических изменениях. В рамках характерного для теории модернизации и модерного общества структурно-институционального анализа культура сводилась к ценностно-нормативному комплексу. Концептуальные основания, культурно-интерпретативное измерение модерности, по большому счету, игнорировались.

При этом одним и тем же термином «модернизация» описывались разные исторические процессы и механизмы социальных изменений. В одном случае — это процессы происхождения получивших название «модерных» социетальных институтов, в другом случае — это процессы их диффузии, распространения, переноса за пределы той эволюционной зоны, в которой они первоначально возникли. В первом случае «модернизация» означает комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций, происходивших на Западе с XVI в. и достигших своего апогея в XIX–XX вв. Во втором случае термин «модернизация» относится к отсталым или слаборазвитым обществам и описывает их усилия, направленные на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны: это так называемая «догоняющая модернизация» (Штомпка 1996: 170–171). По сути, одним и тем же термином «модернизация» обозначаются разные модели социальных изменений, которые соответствуют двум разным типам модернизации, обозначаемым как первичная и вторичная (догоняющая), спонтанная и организованная, эндогенная и диффузная, оригинальная и копирующая. Единственное, что объединяет вторую модернизацию с первой, это предполагаемое тождество их результатов — смена традиционного типа общества модерным типом. Однако вторичные модернизации не всегда оказываются успешными, возможны «срывы модернизации» (Eisenstadt 1973: 47–72; Эйзенштадт 2010). В этих случаях вторичная модернизация нередко характеризуется как «ложная модернизация» (Штомпка 1996: 180), «рецидивирующая модернизация» (Наумова

1996), «абортивная модернизация» (Гудков 2011) и т. п. В предлагаемых объяснениях причин торможения модернизации подчеркивается влияние эндогенных культурных и институциональных факторов, связанных с зависимостью от предшествующего развития, или экзогенных геоэкономических и геополитических факторов, связанных с включенностью обществ в мир-системные отношения.

Для теории модернизации фундаментальное значение имеют два взаимосвязанных тезиса:

- (1) тезис об уникальном, исключительно «западном» происхождении социальной конфигурации, определяемой как «модерное общество» и представляющей собой определенный набор функционально дифференцированных социетальных институтов;
- (2) тезис об универсальном значении и, по меньшей мере, потенциально глобальном распространении современного типа общества как наиболее отвечающего критериям эффективности, производительности и адаптивности.

Со всей отчетливостью эти два положения были сформулированы М. Вебером в его хорошо известном утверждении о том, что «в Западной цивилизации, и только в Западной цивилизации, возникли такие культурные феномены, которые, как мы, по крайней мере, склонны предполагать, развились в направлении, получившем *универсальное* значение и ценность» (Weber 1992 [1930]: 13).

Между этими двумя тезисами содержится внутреннее напряжение, которое характерно для всех дискуссий о «модерности» и «цивилизации». И этот «двойной тезис» об уникальности «западного» происхождения и универсальном значении и ценности форм модерности поднимает, по меньшей мере, пять ключевых для социологического анализа и дискурса о модерности вопроса:

- 1) какие именно феномены составляют синдром модерности, и в какой степени они образуют системное — каузально-функциональное и/или логико-смысловое — единство (являются ли они жестко сцепленными или допускают относительную автономию по отношению друг к другу);
- 2) почему, в силу какого «сцепления обстоятельств» совокупность составляющих модерности феноменов возникла на Западе;
- 3) почему эти феномены не возникли или не смогли развиваться до «западного» уровня в других, если использовать веберовскую терминологию, «культурных мирах», или «культурных ареалах», например таких, как Китай и Индия. Или, как этот вопрос звучит в формулировке Вебера: «Почему в этих странах вообще не вступили на характерный для Запада путь *рационализации* ни наука, ни искусство, ни государство, ни экономика?» (Вебер 2006: 14);
- 4) почему эти феномены имеют, или «как мы, по крайней мере, склонны предполагать», что они имеют, универсальное значение и ценность (под местоимением «мы» Вебер имеет в виду представителя современной западной цивилизации: «современного человека, дитя европейской культуры»);
- 5) почему эти «универсально значимые» феномены, будучи уже выработанными, до сих пор еще не получили глобального распространения — проблемы ограничений и срывов модернизации в незападных обществах.

Возможны вариации ответов на каждый из этих вопросов. Прямо противоположные ответы были даны в теориях «линейной модернизации» и «локальных цивилизаций». Середина XX в., когда в социологии доминировала теория модернизации, была временем, пожалуй, наибольшей дивергенции между социологией и цивилизационным анализом, представленным в тот период почти исключительно теорией локальных цивилизаций. Несмотря на всю свою противоположность, классические теории модернизации и цивилизаций разделяли общую приверженность редукционистским и когерентным моделям социоисторических конфигураций. Следствие редукционистского детерминизма — монолитные образы рассматриваемых социоисторических формаций, будь то «общества» или «цивилизации».

Однако теоретические конструкции, задающие каждому типу общества или цивилизации жесткий, в высшей степени когерентный структурный профиль, оказываются аисторичными, слабоспособными репрезентировать реальные процессы социальных изменений в разнообразии и противоречивом сочетании их культурно-символических, институционально-регулятивных и структурно-организационных измерений, что хорошо видно на примере российского общества. Применение данных теоретических конструкций предполагает описание актуального состояния российского общества как приближающегося в большей или меньшей степени к тому или иному идеальному типу. Следствия данной методологии — либо односторонние образы российского общества, игнорирующие как временные, случайные, переходные, остаточные или несущественные те стороны российской действительности, которые не вписываются в принятую теоретическую модель; либо эклектичные образы российского общества, изображающие его как «разорванное», «расколотое», «промежуточное». В результате российское общество предстает как сочетание взаимоисключающих характеристик, приписываемых противоположным социетальным и цивилизационным типам: традиционному и модерному, восточному и западному, самобытному и инокультурному. Сама жесткость, статичность, монолитность исходных теоретических моделей служит, по мере накопления в ходе эмпирико-аналитического изучения отклонений от заданных схем, предпосылкой для перехода исследователей от одной концептуальной конструкции, или парадигмы, к другой. Случай С. Хантингтона — яркий пример подобного концептуального дрейфа от теории модернизации к теории локальных цивилизаций (Huntington 1968; 1996; Хантингтон 2003).

Классические теории линейной модернизации и локальных цивилизаций сегодня, как правило, подвергаются критике и отвергаются. В то же время нередки попытки совместить линейно-модернизационную и локально-цивилизационную парадигмы в рамках теории «социокультурной», или «многокультурной», модернизации, призванной учесть вариативность путей и способов модернизации (напр., Тихонова 2008; Паин 2009). Эта концепция представляет собой попытку соединить динамику структурно-институциональной дифференциации социальной системы с непрерывностью культурно-цивилизационной идентичности социетального сообщества. Концепция модернизации при сохранении собственной культурной идентичности, казалось бы, избегает крайностей линейно-модернизационного и дискретно-цивилизационного подходов, предлагая

их синтез, но, в действительности, она не разрешает, а умножает недостатки и затемняет проблемы этих двух подходов. Эта концепция может быть успешным в той или иной степени идеологическим проектом, направленным на обеспечение легитимации стратегий развития, предлагаемых политическими элитами (что, впрочем, требует отдельного рассмотрения), но она малопригодна в качестве инструмента социального анализа. Она обладает недостаточной аналитической, эвристической и объяснительной силой. Она либо модернизации придает характер «псевдоморфоза», имитации, симуляции и стилизации традиционного культурного содержания «под модерность», либо культуру рассматривает с функционалистской и инструментальной точки зрения — как резервуар значений, которые могут быть институционализированы согласно функциональным требованиям социальной системы или использованы тем или иным способом в соответствии со стратегиями и интересами социальных акторов. Практическая реализация этой модели модернизации в действительности представляет собой не просто подгонку современных социальных институтов к «аутентичным» культурным традициям, но активное конструирование истории, памяти, традиций, идентичности в дискурсах, нарративах, интерпретациях, ритуалах.

Концепция «многокультурной модернизации» утверждает множественность путей модернизации, но для отдельно взятого общества она, как и классические теории линейной модернизации и локальных цивилизаций, задает инвариантную траекторию движения к модерности. В то же время многомерность модернизации связана не только с множеством модернизирующихся стран, каждая из которых прочерчивает собственную траекторию движения к модерности и внутри модерности, но и с вариативностью проектов и форм модерности, возникающих внутри отдельных обществ и выходящих за их границы. О множественности модернизаций имеет смысл говорить не только по отношению к разным обществам, но и по отношению к одному и тому же обществу, причем не только в диахронном, но и синхронном измерении.

Другую альтернативу не только классической линейно-эволюционистской унитарной модели модернизации, но и модели социетального развития на основе неизменных культурных программ и идентичностей локальных цивилизаций представляет возникшая в русле социологической традиции цивилизационного анализа теория множественных модерностей (Arnason 2000; Eisenstadt 2000b; Wittrock 2000; 2001; Therborn 2003; Wagner 2010). Советский вариант модерности специально анализировался Йоханном Арнасоном (Arnason 1993; 1995; Масловский 2011).

Теория множественных модерностей может быть кратко представлена следующими основными положениями:

- (1) коллективный и индивидуальный опыт, культурные интерпретации, социетальное самопонимание, социальное воображаемое как необходимое дополнение к структурно-институциональному измерению социальных формаций и трансформаций;
- (2) роль контингентности в формировании и динамике социоисторических конфигураций, представляющих собой комбинации институционально-организационных структур и культурно-интерпретативных рамок; множе-

ственность переплетающихся траекторий движения обществ к модерности и внутри модерности;

- (3) разнообразие культурных и институциональных форм модерности не только в результате институциональной и культурной зависимости обществ от их предшествующего развития («эффект колеи»), но и вследствие амбивалентностей и напряжений, присущих самой конституции модерности и исключающих возможность создания и реализации некоего универсального проекта модерности (принципиальная открытость концептуальной и институциональной истории модерности);
- (4) глобальный характер модерности: модерность как глобальное условие человеческого существования (Wittrock 2000); включенность обществ в интрасоциетальные и транссоциетальные контакты, потоки и сети на локальном, региональном и глобальном уровнях.

Заключение

Теория множественных модерностей, как и теория многокультурной модернизации, исходит из того, что сегодня понятие модернизации как перехода от традиционности к модерности уже недостаточно для понимания социальной и культурной динамики современных обществ. Во-первых, традиционность и модерность не взаимоисключают друг друга, как это предполагается дихотомией «традиционное — современное общество». Традиции присутствуют в модерности и являются фактором модернизации любого общества. В то же время разнообразие культурных и институциональных форм современных обществ, с точки зрения теории множественных модерностей, не может быть отнесено исключительно на счет влияния исторически сложившихся культурных традиций или институциональных матриц, т. е. объяснено исключительно культурной или институциональной зависимостью обществ от траектории их развития (так называемым «эффектом колеи»). Множественность институциональных и культурных форм модерности — это результат тех амбивалентностей и напряжений, которые заключены в самой воображаемой конституции, базовых культурных ориентациях, интерпретативном паттерне модерности. Традиции, с одной стороны, предоставляют культурные ресурсы, которые оказывают влияние на социетальное понимание, выработку и реализацию культурных и институциональных проектов в условиях модерности. С другой стороны, традиции сами изменяются и конструируются в процессе поисков ответов на эпистемическую, экономическую, политическую проблематику имманентную самой модерности (Wagner 2010). Таким образом, и это — во-вторых, развитие модерности заключается не только в преодолении или ассимиляции традиционных форм в социальных отношениях и культуре, история модерности во многом складывается из реакций модерности на саму себя. Модерность изменяется вследствие рефлексии присущих самой модерности внутренних напряжений и противоречий, а также интерпретации нового опыта, привносимого последствиями порождаемых и в разной степени реализуемых проектов модерности. Результатом этого развития является неизбежное разнообразие культурных и институциональных форм самой модерности.

Литература

- Арнасон Й.* Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35.
- Беккер Г.* Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. Зима. С. 24–40.
- Бессонова О.Э.* Интегрально-институциональная парадигма цивилизационного развития как новая методология познания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 2 (43). С. 15–32.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3-х т. М.: Издательство «Весь мир», 2007.
- Вагнер П.* Социальная теория и политическая философия // Логос. 2008. № 6. С. 56–72.
- Валлерстайн И.* Взлет и грядущее падение миро-системного анализа // *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. С. 257–268.
- Васильев Л.С.* Феномен власти-собственности: К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века / Отв. ред. Л.Б. Алаев. М., 1982. С. 60–99.
- Вебер М.* Предварительные замечания // *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд., доп. и испр. М.: РОССПЭН, 2006. С. 7–18.
- Виттрок Б.* Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние // Полис. 2002. № 1 (66). С. 141–159.
- Гоулднер А.* Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003.
- Гудков Л.Д.* Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011.
- Касториадис К.* Воображаемое установление общества. М.: Издательство «Гнозис»; Издательство «Логос», 2003.
- Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000.
- Масловский М.В.* Советская модель модерна в исторической социологии Йохана Арнасона // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 5–9.
- Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С. 5–28.
- Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом. ГУ-ВШЭ, 2010.
- Паин Э.А.* Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 37–54.
- Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Семенов Ю.И.* Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М.: Центр новых издательских технологий «Волшебный ключ», 2008.
- Смит Р.* История гуманитарных наук / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
- Старобинский Ж.* Слово «цивилизация» // *Старобинский Ж.* Поэзия и знание. История литературы и культуры / Пер. с франц. В 2-х т. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. С. 110–149.
- Тихонова Н.Е.* Социокультурная модернизация в России. (Опыт эмпирического анализа). Статья 1 // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 5–23.
- Февр Л.* Цивилизация: эволюция слова и группы идей (1930) // *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 239–281.

Браславский Р.Г. Цивилизационная перспектива в социологическом анализе...

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Черняк Е.Б. Цивилиография: Наука о цивилизации. М.: Международные отношения, 1996.

Шкаратан О.И. Этакратизм и российская социетальная система // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 49–62.

Шнирельман В.А. Цивилизационный подход, учебники истории и «новый расизм» // *Расизм в языке социальных наук*. СПб.: Алетейя, 2002. С. 131–152.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.

Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 6 (74).

Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования / В 2-х т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

Arjomand S.A., Tiryakian E.A. (eds.) *Rethinking Civilizational Analysis*. London: Sage Publishers, 2004.

Arnason J.P. *The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model*. London: Routledge, 1993.

Arnason J.P. *The Soviet Model as a Mode of Globalization* // *Thesis Eleven*. 1995. Vol. 41. Pp. 36–53.

Arnason J.P. *Communism and Modernity* // *Daedalus*. 2000. No 1. Pp. 61–90.

Arnason J.P. *Civilizational Analysis, History of* // *Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. London: Elsevier, 2001. Pp. 1909–1915.

Arnason J.P. *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden and Boston: Brill, 2003.

Arnason J.P. *Civilizational Analysis, Social Theory and Comparative History* // *Handbook of Contemporary European Social Theory* / Ed. by G. Delanty. London; New York: Routledge, 2006. Pp. 230–241.

Arnason J.P., Šubrt J. *Civilizace v singuláru a plurálu* // Šubrt J., Árnason J.P., eds. *Kulturní, civilizace, světový systém*. Praha: Karolinum, 2010. Pp. 7–15.

Castoriadis C. *The Imaginary Institution of Society* [1975]. Cambridge, MA: The MIT Press, 1998.

Collins R. *Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact* // *International Sociology*. 2001. No 3. Pp. 421–437.

Durkheim E. *Civilisation in General and Types of Civilisation* [1902] // *Durkheim E.* *The Rules of Sociological Method*. New York: The Free Press, 1982. Pp. 243–244.

Durkheim, E., Mauss M. *Note on the Notion of Civilization* [1913] // *Social Research*. 1971. Vol 4 (38). Pp. 808–813.

Eisenstadt S.N. *Tradition, Change and Modernity*. New York: John Wiley & Sons, 1973.

Eisenstadt S.N. *Macrosociology and Sociological Theory: Some New Directions* // *Contemporary Sociology*. Sep 1987. Vol. 16. No 5. Pp. 602–609.

Eisenstadt S.N. *Comparative Studies and Sociological Theory: Autobiographical Notes* // *The American Sociologist*. 1998. Spring. Pp. 38–58.

Eisenstadt S.N. *The Civilizational Dimension in Sociological Analysis* // *Thesis Eleven*. Aug 2000a. Vol. 62. Pp. 1–21.

Eisenstadt S.N. *Multiple Modernities* // *Daedalus*. 2000b. No 1. Pp. 1–29.

- Eisenstadt S.N.* The Civilizational Dimension of Modernity: Modernity as a Distinct Civilization // *International Sociology*. Sep 2001. Vol. 16. Pp. 320–340.
- Goudsblom J.* Fire and Civilization. London: Allen Lane, 1992.
- Goudsblom J., Jones E., Mennell S.* The Course the Human History: Economic Growth, Social Process, and Civilization. New York: Sharpe, 1996.
- Hall M., Jackson P. T.* (eds.) Civilizational Identity: The Production and Reproduction of “Civilizations” in International Relations. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007.
- Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968.
- Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996.
- Krejci J.* The Paths of Civilization: Understanding the Currents of History. New York: Palgrave/Macmillan Press, 2004.
- Mauss M.* Civilizations, Their Elements and Forms [1929/1930] // *Mauss M. Techniques, Technology and Civilisation* / Ed. and intr. by N. Schlanger. New York: Durkheim Press/Berghahn Books, 2006. Pp. 54–78.
- Nelson B.* Civilizational Complexes and Intercivilizational Encounters // *Sociological Analysis*. 1973. Vol. 34. No. 2. Pp. 79–105.
- North D.C.* Understanding the Process of Economic Change. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2005.
- Parsons T.* The System of Modern Societies. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1971.
- Roth G.* Personal Rulership, Patrimonialism and Empire-Building in the New States // *World Politics*. 1968. Vol. 20. No 2. P. 194–206.
- Rueschemeyer D.* Towards a New Comprehensive Social Science // *Frontiers of Sociology* / Ed. by P. Hedstrom, B. Wittrock. Leiden; Boston: Brill, 2009. Pp. 67–73.
- Therborn G.* Entangled Modernities // *European Journal of Social Theory*. 2003. Vol. 6 (3). Pp. 293–305.
- Tiryakian E.A.* Reflections on the Sociology of Civilizations // *Sociological Analysis*, Vol. 35. No. 2. Summer, 1974. Pp. 122–128.
- Wagner P.* Social Theory and Political Philosophy // *Handbook of Contemporary European Social Theory* / Ed. by G. Delanty. London; New York: Routledge, 2006. Pp. 25–36.
- Wagner P.* Modernity as Experience and as Interpretation: Towards Something Like a Cultural Turn in the Sociology of “Modern Society” // *Frontiers of sociology* / Ed. by P. Hedstrom, B. Wittrock. Leiden; Boston: Brill, 2009. Pp. 247–266.
- Wagner P.* Multiple Trajectories of Modernity: Why Social Theory Needs Historical Sociology // *Thesis Eleven*. 2010. Vol. 100. February. Pp. 53–60.
- Weber M.* Author’s Introduction [1920] // *Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism* / Translated by T. Parsons. London; New York: Routledge, 1992. Pp. xxviii–xli.
- Wilkinson D.* Central Civilization // *Comparative Civilizations Review*. 1987. No 17. Pp. 31–59.
- Wilkinson D.* Civilizations Are World Systems! // *Comparative Civilizations Review*. 1994. Spring.
- Wilkinson D.* Civilizations as Networks: Trade, War, Diplomacy, and Command-Control // *Complexity*. 2002. No 1. Pp. 82–86.

Браславский Р.Г. Цивилизационная перспектива в социологическом анализе...

Wittfogel K.A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. London, New Haven, 1957.

Wittrock B. Modernity: One, None, or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition // *Daedalus*. 2000. No 1. Pp. 31–60.

Wittrock B. Social Theory and Global History: The Three Cultural Crystallizations // *Thesis Eleven*. 2001. No. 65. May. Pp. 27–50.